

А. М. Певнов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ОРОКОВ И ОРОЧЕЙ НА САХАЛИНЕ¹

Ороки — крайне малочисленный народ, живущий только на Сахалине. Отсутствие ороков на континенте может свидетельствовать о том, что их этногенез происходил на Сахалине. Традиционным занятием ороков является оленеводство в сочетании с рыболовством и охотой, в том числе и на морских животных. Ороки живут в основном в посёлке Вал (Ногликский район, северо-восточное побережье Сахалина) и в городе Поронайске (восток центральной части Сахалина). Согласно переписи населения 2002 года, ороков насчитывалось 346 человек. Перепись 2010 г. зафиксировала 295 ороков, в т.ч. 259 на Сахалине. Орокский язык представлен двумя диалектами — северным и южным (об их различиях см. [Ikegami 2001: 247–283]). Диалекты эти довольно близки друг другу, во всяком случае, диалектные различия не препятствуют взаимопониманию. В настоящее время орокский язык знают лишь несколько пожилых людей.

Орочи к концу XIX в. расселялись на территории, имевшей следующие границы: «на востоке — берег Татарского пролива, на юге — бассейн р. Ботчи /бэчи/, на севере — залив Де-Кастри, на западе — истоки рек, впадающих в Татарский пролив. На северо-западе граница пересекала Сихотэ-Алинь и захватывала долину впадающей в Амур р. Хунгари до пункта, отстоящего километров на шестьдесят от ее устья» [Орочские сказки и мифы 1966: 6]. Согласно подсчётам В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой, в 1959 г. орочей было 477 человек. Сколько их сейчас, сказать трудно; данные переписей, как известно, не вполне надёжны в этом

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект «Исторические контакты исчезающего орокского языка», тип проекта: «а(ф)», номер проекта: 16-04-50123.

отношении. «Согласно опубликованным данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., их (орочей. — А. П.) насчитывается 782 чел. В действительности же их значительно меньше. В эту цифру включены, по всей вероятности, сахалинские ороки...» [Орочские сказки и мифы 1966: 5]. Как пишут В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева, «... есть основания думать, что в более отдаленные времена число орочей было более значительным. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор воспоминания о целом ряде уже исчезнувших родов, среди которых были и довольно многочисленные, о переселениях в другие места больших групп орочей, об опустошительных эпидемиях, наводнениях и войнах, что не могло не повлиять на численность этой народности» [Орочские сказки и мифы 1966: 6]. Что касается хозяйственной деятельности орочей, то её «исконными компонентами следует считать охоту на пушного и мясного зверя, в том числе морского, и рыболовство, прежде всего речное» [Аврорин, Лебедева 1978: 6].

В настоящее время на орочском языке уже, по-видимому, не говорят. Вот последняя имеющаяся у меня информация об этом языке: «Редакторы сборника побывали вместе с Еленой Всеволодовной (Перехвальской. — А. П.) у орочей Советской Гавани в 2010 году. Мы уже не нашли там ни одного человека, который бы говорил по-орочски не только связными текстами, но даже отдельными фразами. В местном доме культуры мы все наблюдали выразительную картину, как несколько представительниц этнической группы орочей, собравшись вместе, пытаются вспомнить по-орочски счет до десяти. Про соседние поселки, упоминаемые в настоящем очерке, нам сказали, что там тоже не осталось никого, кто бы говорил по-орочски. По-видимому, орочский язык к настоящему моменту можно считать исчезнувшим» [Баранова, Маслинский 2014: 11] (примечание редакторов сборника — В. Ф. Выдрина и Н. В. Кузнецовой).

Оба фонетически близких этнонима (ороки², орочи), возможно, имеют общее происхождение, однако и тот, и другой

² Этноним «ороки», бывший до определённого времени общепринятым в лингвистике и этнографии, используется в данной статье по двум причинам: во-первых, в научных работах крайне нежелательно

являются экзоэтнонимами. Ороки в настоящее время предпочитают называть себя *уилта* ~ *улта*³; очевидно, это относительно старое самоназвание народа или какой-то его группы. Ороческая народность «в качестве самоназвания давно уже, по-видимому, не менее ста лет, употребляет слово *орочи*: ед. число /орочи́/, мн. число /орочисá/. Как наименование народности в обиход науки его ввел французский мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз, который во время своей трагически закончившейся кругосветной экспедиции посетил в 1787 г. залив Де-Кастри и встретил там людей, назвавших себя *ороча*. Были ли это современные нам орочи, или какое-то иное племя, остается невыясненным» [Ороческие сказки и мифы 1966: 7].

«обновлять» названия народов и языков, а во-вторых, термин «уильта» («уйльта», «ульта») не очень пригоден для образования необходимых в письменной и устной речи форм («уильтинский», «уильтский», «уильты?»).

³ Все примеры в статье даны в транскрипции, принятой в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (см. «Алфавитный перечень знаков транскрипции, принятых в словаре», а также «Транскрипцию фонем и отдельных звуко сочетаний» тунгусо-маньчжурских языков [ССТМЯ 1975: XVI–XXII]). При этом необходимо отметить, что в статье не указываются варианты фонем, обусловленные действием закона сингармонизма (правда, негидальское *i* относительно более низкого подъёма в первом слоге слов с «а-гармонией» я обозначаю графемой *e*, например: *елавун* (а не *йлавун*, как должно бы быть в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков»)).

Если слово (словосочетание) приводится по опубликованной работе, то сначала даётся транскрипция оригинала, но без диакритических знаков, а в скобках указывается несколько упрощённая транскрипция «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (это касается только тунгусо-маньчжурских языков, айнское и нивхские слова даны лишь в транскрипции оригинала). Если транскрипция какого-либо слова кириллицей или латиницей в опубликованной работе (диакритика при этом игнорируется) может быть транслитерирована «один к одному» при помощи используемой мной в статье упрощённой транскрипции «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (например: *-wип* (-вун)), то, естественно, нет никакой необходимости в транслитерации.

Орокский и ороцкий относятся к тунгусо-маньчжурской языковой семье. В плане генетической классификации ороцкий ближе всего к удэгейскому; оба языка с точки зрения исторической фонетики и отчасти лексики имеют значительное сходство с негидальским, эвенским, эвенкийским и солонским. Возможно, предок ороцкого языка был субстратом для негидальского. Контакты обусловили схождения ороцкого и удэгейского с нанайским, ульчским и орокским; правда, начало таких контактов относится к весьма далёкому времени, когда ещё, вероятно, существовали ороцко-удэгейский и нанайско-ульчско-ороцкий праязыки.

Орокский и ульчский языки исторически имеют между собой больше общего, чем каждый из них с нанайскими идиомами. Можно даже сказать, что орокский язык исторически представляет собой ульчский с немалым количеством существенных инноваций на всех уровнях. Однако при наличии очевидных и ярких инноваций орокский язык сохранил весьма архаичные особенности, утраченные его ближайшими родственниками — ульчским и нанайским.

Что касается ороцко-удэгейского генетического кластера, то ороцкий язык в некоторых отношениях архаичнее удэгейского: говоря упрощённо, удэгейский в историческом плане можно рассматривать как совокупность «ороцкоподобных» идиомов с инновационными чертами, особенно в исторической фонетике.

Если отвлечься от сравнительно позднего влияния эвенкийских сахалинских диалектов на орокский язык, то изоглоссы, связывающие орокский язык с некоторыми другими тунгусо-маньчжурскими, скорее всего появились в то время, когда предок ороцкого находился ещё на континенте. Удалось, однако, обнаружить немногочисленные языковые свидетельства контактов ороков с ороцами, причём одно из них определённо указывает на то, что контакты происходили не на континенте, а на Сахалине, точнее — в долине реки Поронай, то есть в центральной части острова. Таким образом, есть основания полагать, что ороци не просто

бывали на Сахалине⁴, но и оставили там в языке ороков некоторые следы. Выявлению этих следов и посвящена данная статья.

⁴ Приведу самое начало ороцкого текста «Предание рода Бисанка»: «Когда-то Бисанки своего рода не имели. По преданию, Бисанки — это люди, переехавшие с Сахалина. Когда Бисанки жили еще на Сахалине, неизвестно, кем они были — айнами или орочами» [Ороцкие сказки и мифы 1966: 179]. А вот предание ороцкого рода Бэсэ целиком: «Поехали двое людей охотиться в море на двух морских челноках. Опустился густой туман. Потеряли они направление и заблудились. Решили: «Поедем к берегу, домой! Наш дом вон там должен быть». Едут, едут, а земли не видно. Растерялись они: «С голоду умрем». Однако едут дальше. Отдохнут, едут, отдохнут, едут... Вот-вот конец им приходит. Но тут туман поредел. Смотрят — вблизи земля. Посмотрели на берег — там люди, много людей. Повернули к берегу, к людям. А речи их понять не могут. Вытянули люди их челноки на берег. «Сейчас прикончат», — совсем расстроились те двое. Но их взяли под руки и подняли. Встали они, вылезли из челноков. Видно, что их жалеют. Взяли их за руки и быстро повели к себе домой. В доме они сели на пол. Им принесли пищи, и они стали есть. Голодные, они ели с опаской. От пищи они поправились. Дали им девушек в жены. Стали там жить. Пожили с местными людьми и овладели их языком. А это были айны. Как-то говорят: «Мы поедем к себе домой». А их отговаривают: «Не уезжайте, живите у нас!». Остались жить у них, стали их свойственниками, а потом у них и дети появились. Так там и жили. Потом, спустя несколько лет, они умерли. После них люди рождались, умирали. Сменилось несколько поколений. Рождались и их потомки. Вот они жили и решили: «Поедем-ка мы к себе на родину, на реку Ботчи, поплывем на шхуне с парусом». Вот и поплыли. «Давайте причалим к берегу!» А там живут удэхейцы. «Какого вы рода-племени?» — спрашивают. «Мы из родов Суландига и Камидига». «А наш род Бэсэ здесь живет?» Удэхейцы отвечают: «Рода Бэсэ уже нет». «Даже и женщин не осталось?» «Среди Идинков есть только один человек — сын женщины из рода Бэсэ, зовут его Сабага». Люди из рода Бэсэ говорят: «На земле айнов наших сородичей человек сорок». Немножко пожили здесь и уехали обратно» [Ороцкие сказки и мифы 1966: 182–183]. Очевидно, в этом предании говорится о Сахалине, вряд ли о Хоккайдо — до этого острова существенно дальше, и вряд ли бы два заблудившихся в морском тумане ороча доплыли до него в своих челноках.

Первой отметила возможность «наибольшей близости» орокского языка, в частности, с ороческим Т. И. Петрова: «... хотя язык ороков (ульта) и имеет ряд черт, присущих языкам северной группы, все же по основным ведущим формам он должен быть отнесен к южной группе, внутри которой наибольшую близость его можно констатировать с языками нанайским, ульчским и, возможно, ороческим» [Петрова 1967: 125]. Однако такая возможность не была проиллюстрирована какими-либо примерами. Впрочем, один весьма любопытный факт Т. И. Петрова приводит в этой работе, но связывает его не с ороческим, а с «северной группой тунгусо-маньчжурских языков». Речь идёт об орокском слове *иллав* ‘стружки, надеваемые шаманом’. Т. И. Петрова относит это слово к «группе существительных с омертвевшим суффиксом *-в, -у*», причём к «именам существительным, выявляющим конечный *н*». И далее: «Суффикс *-в* ... можно считать восходящим к суффиксу *-вун*, с помощью которого в северной группе тунгусо-маньчжурских языков образуются имена существительные от глагольных основ» [Петрова 1967: 25–26].

Через несколько лет аналогичную идею о том, что в составе слов, обозначающих ритуальные стружки в ороческом и орокском языках, можно исторически выделить суффикс *-вун* (*-wun*) с орудийным значением, высказал Дз. Икэгами, предложив весьма оригинальную этимологию. Первоначально статья Дз. Икэгами «Заметки о происхождении айнского слова *inaw* — об этимологии слова *illau* языка уильта» была опубликована на японском языке в 1980 г. [Ikegami 1980: 393–402]. Впоследствии статья эта была переиздана, приведу цитату из резюме на английском языке: «Айнское слово *inaw* означает ‘ритуальное подношение, жертвоприношение (offering) в форме палки (wooden staff) с прикрепленными к ней стружками’. Это слово имеет сходство с нивхскими словами *inau* и *nau*, с орокским (в оригинале здесь и дальше *uilta*. — А. П.) *illau* и с ороческим *ilau*. Считается, что по происхождению это одно и то же слово. Орокское слово *illau* (= *illaun*-) восходит, вероятно, к **ilawun*. Эта форма образована от глагольной основы **ila-* и образующего имена существительные суффикса **-wun* с инструментальным значением. По-видимому, это реконструируемое слово превратилось в *illau(n-)* в результате утраты звука **w* и последующего компенсаторного удвоения

звука **l*. Ороческое слово *ilau* также происходит от **ilawun*, в котором звуки **w* и **n* были опущены. Суффикс **-wun* восходит к праформе **-pun*, сохранившейся в орокском *-pu(n-)*. Следовательно, орокское слово *illau(n-)*, восходящее к **ilawun* с суффиксом **-wun*, является заимствованием, вероятно, из орочского (подчёркнуто мной. — А. П.) или иного тунгусо-маньчжурского (в оригинале «тунгусского». — А. П.) языка, связанного с ороцким близким родством» [Икегами 2004: 219].

И далее, «основываясь на значениях маньчжурской глагольной основы *ila-* и её дериватов», Дз. Икегами высказывает предположение о том, что эта основа с присоединённым к ней суффиксом **-wun* означает или «палка, которая производит (puts forth) цветы, на которой расцветают цветы», или «палка, которую мужчины строгают». Таким образом, Дз. Икегами предполагает, что айнское слово *inaw*, а также нивхское *inau* ~ *nau* имеют тунгусо-маньчжурское происхождение; при этом подчёркивается, что при заимствовании в айнский язык звук *l* был заменён на *n*, потому что в айнском *l* отсутствует.

Гипотеза Дз. Икегами (точнее, Т. И. Петровой и Дз. Икегами) весьма интересна, причём не только для лингвистов. Мне кажется, есть ещё над чем подумать в плане внутренней формы рассматриваемых слов, обозначающих столь важный культовый предмет.

Хотел бы в этой связи отметить, что в ороцком языке (а также в некоторых других тунгусо-маньчжурских) есть глагол *ила-* ‘зажигать, разжигать, разводить (огонь); сжигать’ [Аврорин, Лебедева 1978: 187]. В прошлом в этом языке функционировал аффикс **-вун* с орудийным значением, при помощи него, например, было образовано от глагольной основы *игди-* ‘расчёсывать волосы, причёсывать, причёсываться’ слово *игду(н)* ‘гребень, расчёска’ (**игди-вун* > **игдиун* > *игду(н)*). В результате присоединения к основе *ила-* ‘зажигать, разжигать, разводить (огонь); сжигать’ орудийного суффикса **-вун* должно было образоваться слово **илавун* > **илаун* > *илау(н)* ‘то, чем зажигают; то, чем разводят огонь’. Действительно — ведь именно при помощи стружек разводят огонь, в частности, когда отсыревают дрова. Однако и такое толкование имеет слабую сторону: неясно, могло ли быто-

вое, не связанное с культом значение ('зажигать, разводить огонь') превратится в значение, связанное с шаманским ритуалом.

Впрочем, есть и иной факт — в какой-то степени он подтверждает семантическую сторону этимологии Дз. Икэгами. В маньчжурском языке имеется слово *илгари* ~ *илхари* 'бумажные разноцветные полоски в виде лент, привешиваемые на ивовые ветви, которые ставятся во время молитвы и призывания духов у шаманов, а также на могилах и перед кумирами' [Захаров 1875: 107, 108]. Здесь же И. Захаров приводит словосочетание *илгари тэбумби* 'водружать, втыкать, ставить ивовую ветвь с разноцветными бумажками'. И сам маньчжурский культовый предмет, и действие, совершаемое при помощи него, весьма напоминают манипуляции с инау, производимые орочами, нивхами, ороками и айнами. Маньчжурское *илгари* ~ *илхари* является суффиксальным производным от *илха* 'цветок, цветы', которое в свою очередь образовалось при помощи известного суффикса *-ха* от глагольной основы *ила-* 'расцветать, цвести'; основа эта общетунгусо-маньчжурская, восходит к **к^hила-* и представлена в том числе и в ороческом языке, но только в виде производного слова *илакта* 'цветок'.

Кстати, слово *елавун*, означающее 'ритуальные стружки', мы с М. М. Хасановой записали во время экспедиции в 1982 г. в низовья Амура к негидальцам. Одна из наших информанток — Мария Абрамовна Семёнова (родилась в деревне Усть-Амгунь, уже не существующей больше семидесяти лет) — сообщила нам, что шаман привязывал *елавун* на голову, шею, запястья, пояс, колени; *елавун* бывают длинные и короткие, зажечь *елавун* нельзя. Вот приведённый М. А. Семёновой фразовый пример на негидальском языке со словом *елавун*: *атпугдижи кувајан елавунма* 'специальным ножом (*атпугди*) с кривым лезвием делает (букв. строгаёт) ритуальные стружки (*елавун*)'. Надо сказать, что это слово отсутствует как в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975], так и в работе В. И. Цинциус [Цинциус 1982]. Следует отметить, что это негидальское слово мы услышали от носителя усть-амгуньского (хэденского) идиома, который совершенно не был описан, хотя и отличается от других негидальских идиомов в некоторых отношениях весьма существенно. Думаю, что усть-амгуньский (хэденский) идиом мог в большей степени, чем другие территориальные

варианты негидальского языка сохранить особенности, обусловленные субстратным влиянием предка ороцкого языка, на котором несколько столетий назад, по-видимому, говорили в низовьях реки Амур, а также в нижнем течении реки Амгунь. Первым высказал идею о том, что когда-то негидальцы и орочи были соседями, российский востоковед П. Шмидт [Schmidt 1923: 4–5].

Таким образом, слова *илау*, *елаун* и *иллау* представлены лишь в трёх тунгусо-маньчжурских языках — в ороцком, негидальском и орокском соответственно. Существенно, что аналогичные слова не засвидетельствованы ни в удэгейском языке — генетически самом близком к ороцкому, ни в ульчском — ближайшем родственнике ороцкого.

Несколько странной кажется мне идея о возможности заимствования айнами исключительно важного в их культуре слова *inaw* из языка орочей, в культуре которых ритуальные стружки *илау* не были объектом первостепенной значимости (об айнских ритуальных стружках см., например, работу Л. Я. Штернберга «Кульст инау у племени айну», опубликованную в посмертно изданной книге [Штернберг 1933: 611–634]).

Что касается нивхского *инау* (*нау*) ‘заструганная с одного конца палочка (принадлежность религиозного культа)’ [Нивхско-русский словарь 1970: 93–94, 206], то оно было, по-моему, заимствовано из айнского — ведь если бы это слово пришло из какого-нибудь тунгусо-маньчжурского языка, то в нивхском было бы не *инау* (*нау*), а *илау* (*лау*). Интересно, что в нивхском представлен вариант без начального узкого гласного (*нау*)⁵.

⁵ Могу привести несколько примеров отпадения в анлауте нивхских слов узких гласных *у* и *и*: ср. нивх. *рақ* ‘крупа’ и маньчж. *ира* ‘просо’ (сегмент *-қ* вряд ли является нивхским словообразовательным суффиксом; возможно, он указывает на некий маньчжурский диалектный словообразовательный суффикс, ср. маньчж. сибин. *јиргэ* ‘просо’ [ССТМЯ 1975: 324] < **ирага*?); нивх. *рал* ‘лягушка’ и орок. *удала* ‘лягушка’; нивх. *тятя-дь* (амурский идиом), *тятя-нд* (восточносахалинский идиом) ‘женский музыкальный инструмент, состоящий из сухого бревна лиственницы, подвешенного на козлах, и деревянной палки-колотушки (ритмичными ударами колотушек несколько женщин выбивают монотонно и протяжно такт в тот момент, когда на

Думаю, что в любом случае Дз. Икэгами был прав — орокское слово *иллау* заимствовано из ороцкого, в котором соответствующий культовый предмет называется *илау*. Из ороцкого же языка пришло в негидальский (по крайней мере, в усть-амгуньский идиом) слово *елавун*, сохранившее исходную форму с орудийным суффиксом.

Приведённое лексическое соответствие между орокским и ороцким языками нельзя считать эксклюзивной изоглоссой (т.е. изоглоссой, связывающей только два языка) из-за наличия соответствия в негидальском.

Не является эксклюзивной также следующая изоглосса (хотя заимствование из ороцкого в орокский весьма вероятно): орок. *хэвэцй-* ‘звать’ [Икегами 1997: 238] // ороц. *хэвэти-* ‘звать, позвать, созвать, пригласить’ [Аврорин, Лебедева 1978: 250] (ранняя запись этого ороцкого глагола весьма необычна: *хывади* ‘зову’ [Протодяконов 1888: 16]) // удэг. *хэути-* ‘кричать’. В [ССТМЯ 1977: 464] орокский глагол *хэвэтчи-* ~ *хэвэчи-* ‘1) кричать; 2) звать’ ошибочно включён в словарную статью «ЭРЙ-кричать» (в статье приведена тунгусо-маньчжурская праязыковая реконструкция **хэри-* ‘кричать, звать’, которая по формальным причинам никак не могла дать в орокском языке *хэвэтчи-* ~ *хэвэчи-*). Кроме того, в [ССТМЯ 1975: 484] приведено как не имеющее соответствий удэгейское (хорский и анюйский говоры)

медвежьем празднике голову убитого медведя водворяют на родовую нарту) [Нивхско-русский словарь 1970: 375] и ороц. *узазиуки* ‘ударный деревянный музыкальный инструмент (представляет собой длинный круглый брус из высушенного дерева с вырезанным на одном конце изображением головы медведя; брус подвешен с обоих концов на веревках к наклонно воткнутому в землю палкам; ударами по брусу двумя небольшими палочками выбивают дробь в различном ритме, подражая стуку птичьих клювов, ударам ножа при крошении мяса или рыбы, стуку посуды о стол при еде и т.п.; игра на этом инструменте, сопровождаемая пением, являлась обязательным элементом ритуала медвежьего праздника)’, *узази-* ‘играть на музыкальном инструменте *узазиуки*’ [Аврорин, Лебедева 1978: 238]; нивх. *Ла* ‘Амур’ и маньчж. *ула* ‘большая река’ (река меньших размеров называлась по-маньчжурски общетунгусо-маньчжурским словом *бира*).

хэути- ‘кричать’, на самом же деле этот удэгейский глагол связан по происхождению и с ороческим *хэвэти*- ‘звать, позвать, созвать, пригласить’, и с ороческим *хэвэчи*- ‘звать’. М. Д. Симонов и В. Т. Кялундзюга дают в своём словаре несколько иное звучание и значение удэгейского глагола: *хэу́ти*- ‘кричать’, при этом глагольная основа *хэу́тиси*- переведена не только как ‘кричать’ (с пометой «длит.»), но и как ‘звать’ (кого-либо) [Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка 1999: 1047–1049]. Примечательно, что в словаре Е. Р. Шнейдера рассматриваемый глагол приведён не совсем так, как в словаре М. Д. Симонова и В. Т. Кялундзюги: *хэу́ти*- (с последующими суффиксами) [Шнейдер 1936: 80]. Графемой *у́* в удэгейском глаголе *хэу́ти*- обозначен гласный, именуемый М. Д. Симоновым «интенсивным резким»; Е. Р. Шнейдер называл такой гласный «аспирированным» и обозначал его как *d^ha*. Однако если бы на самом деле в удэгейском глаголе со значением ‘кричать’ был «аспирированный», или «интенсивный резкий» гласный, то глагол этот следовало бы возводить к **хэсути*-, что противоречит данным как ороческого, так и орокского языков: в соответствующих глаголах нет интервокального звука *с*.

Необходимо иметь в виду, что сегмент *-ти*- (*-чи*-) не является в рассматриваемой глагольной основе удэгейского, ороческого и орокского языков показателем «вида длительности» (термин В. А. Аврорина), так как, например, в ороческом таким показателем выступает *-чи*- [Аврорин, Лебедева 1968: 202], но в интересующей нас ороческой основе мы видим *-ти*- (*хэвэти*-). Таким образом, представленный в ороческом, удэгейском и орокском языках глагол со значением ‘звать, кричать’, во-первых, не имеет соответствий в других тунгусо-маньчжурских языках, а во-вторых, морфологически нечленим как в современном состоянии этих языков, так и в историческом плане. По моим наблюдениям, в тунгусо-маньчжурских языках не бывает незаимствованных исторически нечленимых морфем, состоящих их трёх слогов и более. Следовательно, орок. *хэвэчи*- ‘звать’, ороч. *хэвэти*- ‘звать, позвать, созвать, пригласить’ и удэг. *хэути*- ‘кричать’ представляют собой заимствования из неизвестного нам языка (по крайней мере в нивхском и в айнском никаких соответствий мне найти не удалось). Думаю, вряд ли орокский язык заимствовал

глагол *хэвэчи*- 'звать' самостоятельно, независимо от ороцкого и удэгейского. Скорее всего, орокский заимствовал в данном случае из ороцкого, хотя в принципе нельзя исключить заимствование и в противоположном направлении.

К числу эксклюзивных орокско-орочских изоглосс относятся, например, название домашнего оленя (орок. *улā* 'домашний олень' и ороц. *улā* 'домашний олень'), а также название древесного гриба (орок. *дудакта* ~ *жу́закта* 'гриб (растущий на дубе)' и ороц. *дудакта* 'гриб (съедобный, растущий на тальнике)' (сравнение приведено в [ССТМЯ 1975: 219]). Что касается названия домашнего оленя в орокском и ороцком языках (*улā*), то оно стоит в тунгусо-маньчжурских языках совершенно обособленно. Для тунгусо-маньчжурского праязыка название домашнего оленя реконструируется как **орон* (эвенк. *орон*; эвен. *орън*, *одна* ~ *ор* ~ *орна*, *оран*, *орон*; нег. *ојон*; удэг. *оло* ~ *оро*; ульч. *оро(н-)*; нан. *орō*; маньчж. *орон буху*; впрочем, среди этих вариантов есть заимствования: удэг. *оло* ~ *оро*, а также маньчж. *орон* в словосочетании *орон буху* являются, скорее всего, заимствованиями из эвенкийского). Орочи не занимались оленеводством, поэтому весьма вероятно, что наличие в их языке названия домашнего оленя, полностью совпадающего с орокским, свидетельствует о заимствовании орочами слова *улā* из языка ороков — истинных оленеводов с многовековым опытом, о чём свидетельствуют некоторые орокские оленеводческие термины.

Все приведённые соответствия появились в результате заимствования, причём если можно с высокой степенью вероятности сказать, из какого языка в какой пришло чужое слово, то никак нельзя определить, где были заимствованы эти слова — на континенте или на Сахалине.

Единственную пока возможность локализовать контакт между орокским и ороцким языками даёт предлагаемая ниже этимология орокского названия реки Поронай (впадает в Охотское море, в залив Терпения; течёт с севера на юг, длина 350 км).

Орокское название реки Поронай (*Caḡḡi Cū* ~ *Caḡḡi Cū un'un'u*⁶ ~ *Dāju Caḡḡi Cū* (*Sagji Suu* ~ *Sagji Suu unini* ~ *Daaji Sagji Suu*)) [Ikegami 1997: 194]) возникло под влиянием орочей, о чём свидетельствуют следующие факты: 1) слово *caḡḡi* в орокском языке означает ‘старый (только о человеке)’, в то время как в орочском семантика соответствующего слова *cāḡdi* несколько иная: ‘1) большой (по размеру, по значению), великий; 2) большой (по возрасту), старый’ [Аврорин, Лебедева 1978: 220]; 2) из всех тунгусо-маньчжурских языков значение ‘большой’ у слова *caḡdi* (*caḡdī*, *cāḡdi*, *caḡḡi*, *haḡdi* и т.д.) отмечается только в орочском и в генетически ему наиболее близком удэгейском (при этом в последнем отсутствует значение ‘старый’, для нанайского же слова *caḡḡi* значение ‘большой, главный’ указано наряду со значением ‘старый, пожилой’, вероятно, ошибочно — во всяком случае, в словаре [Оненко 1980: 350] оно отсутствует)⁷; 3) для ороков, мне думается, употребление слова *caḡḡi* в гидрониме *Caḡḡi Cū* (*Caḡḡi Cū un'un'u*, *Dāju Caḡḡi Cū*) было весьма странным, так как это слово означает не просто ‘старый’, а стар-рый, как уже было сказано, только по отношению к человеку; с целью устранения такого недоразумения ороки в одном из вариантов названия реки Поронай добавили, судя по материалам Дз. Икэгами, слово *dāju* ‘большой’ (*Dāju Caḡḡi Cū* (*Daaji Sagji Suu*)) [Ikegami 1997: 194]).

Орочи, называвшие Поронай большой рекой (а на Сахалине более крупной реки нет), по-видимому, знали, как эту реку называют айны, жившие в её бассейне к приходу орочей; *poro* на айнском языке (диалект Сару) означает ‘быть, стать большим’, а *paу* — ‘болото, небольшая река, ручей’ [Tamura 1998: 406, 544]

⁶ Слово *un'u* означает в орокском языке ‘река’, словоформа *un'un'u* включает показатель притяжания 3-го лица единственного числа *-n'u*; таким образом, гидронимическое словосочетание *Caḡḡi Cū un'un'u* представляет собой изафетную конструкцию, в которой определением является словосочетание *Caḡḡi Cū* с давно уже ставшим непонятным для ороков значением.

⁷ Интересно, что русское слово *старый* этимологически связано с древнеисландским *stórr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’ [Фасмер 1971 (III): 747].

(возможно, в сахалинском айнском значение второго компонента рассматриваемого гидронима было несколько иным). Итак, в образовании орокского составного гидронима *Сагژی Сӯ* ~ *Сагژی Сӯ ун'ин'и* ~ *Дāји Сагژی Сӯ* принимали участие носители трёх языков: айнского, ороцкого и орокского (перечислены в хронологической последовательности).

По-нивхски (в восточносахалинском нивхском) река Поронай называется *Плыи* [Нивхско-русский словарь 1970: 263]. Очевидно, это *Плы и* 'река Плы', причём весьма вероятно, что *Плы* восходит к качественному глаголу *пил-* 'быть большим', точнее, к его атрибутивной форме *пила* (**пила и* > *Плыи*). Таким образом, первоначальным значением нивхского гидронима *Плыи* вполне могло быть 'большая река'. Ср. исходное значение заимствованного из айнского языка гидронима Поронай ('большая река'). В словаре языка уилта, составленном Дз. Икэгами, также есть точное смысловое соответствие айнскому и нивхскому названию реки Поронай: *Дāји ун'и* (*Daaji uni*; информант *Jaurigəni*) [Ikegami 1997: 220]. Кстати, это уже четвёртый орокский вариант названия реки Поронай (*Сагژی Сӯ*, *Сагژی Сӯ ун'ин'и*, *Дāји Сагژی Сӯ*, *Дāји ун'и*). Впрочем, в «Словаре языка уилта» Х. Магаты есть ещё и пятый вариант: *šū únini* 'река Поронай' [Magata 1981: 196].

Любопытно, что название реки Поронай не заимствовалось материально ни айнами, ни нивхами, ни ороцами (вероятно, некогда «растворившимися» среди ороков или других народов Сахалина): на языках этих народов река Поронай называлась описательно — «большая река» (по-орочски: «большая северная река»). Иначе говоря, этот гидроним безусловно заимствовался, но не материально, а структурно, то есть калькировался. И только у ороков, с их пятью вариантами названия этой реки, представлено и материальное заимствование (*Сагژی Сӯ*, *Сагژی Сӯ ун'ин'и*, *Дāји Сагژی Сӯ*, *šū únini*: заимствованы предположительно из ороцкого языка слова *сагжи* и *сӯ* (*šū*)), и структурное (*Дāји ун'и* — букв. большая река). Впрочем, русские пошли по пути материального заимствования названия реки Поронай из языка айнов.

Явное преобладание калькирования названия реки Поронай свидетельствует о былом двуязычии или даже многоязычии населения острова Сахалин.

Особый интерес представляет слово *Сӯ* в орокском составном гидрониме *Сағзи Сӯ ~ Сағзи Сӯ ун'ин'и ~ Дәји Сағзи Сӯ*. Слово это имеется также в словосочетании *Сӯ нән'и (Suu naani)* 'южная сторона (Сахалина)' [Ikegami 1997: 194] (*нән'и* земля-POSS.3SG. — *А. П.*); соответствующая основа выступает в слове *сӯ-н'н'ē-н'и* 'человек (люди) юга (Сахалина)', которое является антонимом слова *доро-н'н'ē-н'и* 'человек (люди) севера (Сахалина)'⁸. Л. В. Озолия переводит орокское *сӯ* как 'Южный Сахалин' [Озолия 2001: 316-317].

Орокская основа *сӯ-* 'юг' вполне может восходить к **суку-* (с «а-гармонией» гласных), ср. орок. *бā-* 'найти' < **бака-*, *лō-* 'повесить' < **локо-* (в эвенкийском, например, им соответствуют *бака-* и *локо-* с аналогичными значениями).

Орокскую реконструированную форму **суку-* предлагаю сравнить с орочь. *сукула(н)* (хадинский диалект), *сакула(н)* (тумнинский диалект) '1) север; 2) северный' [Аврорин, Лебедева 1978: 221, 225], *сукулā чилаңаин'и*⁹ (хадинский диалект), 'северо-восточный ветер, приносящий шторм' [Аврорин, Лебедева 1978: 225]. Ср. также удэг. *сууаланжани* (самаргинский говор) 'север' [ССТМЯ 1977: 118]; *сугала*, *сугаланза-ни* 'север' («форма из записей речи удыхейцев с р. Самарги») [Жормушин 1998: 288].

В орочьском языке антонимом слова *сукула(н)* '1) север; 2) северный' выступает *пунэлэ(н)* '1) юг; 2) южный (о ветре)' [Аврорин, Лебедева 1978: 218, 219], а наряду со словосочетанием *сукулā чилаңаин'и* 'северо-восточный ветер, приносящий шторм' есть также изафетное словосочетание *пунэлэ чилаңаин'и* 'юго-восточный ветер (предвещает штормовую погоду)' [Аврорин,

⁸ Орок. *доро* 'север', например, в словосочетании *доро нән'и (Doro naani)* 'северная земля (северный Сахалин)' [Ikegami 1997: 48], можно сравнить с нивх. *Тро* 'Тро (восточное побережье Сахалина)' (нивхское слово приводится по [Нивхско-русский словарь 1970: 361]).

⁹ Ср. орочь. *чилаңаи* с орок. *čilaŋai* 'северо-восточный ветер' [Ikegami 2002: 290], улч. *чилаңи* в словосочетании *чилаңи хэдуни* 'назв. северного ветра (дует правее дти)' [Суник 1985: 258], нивх. *ч'лаңи* (амурский диалект (идиом. — *А. П.*)) 'боковой ветер' [Нивхско-русский словарь 1970: 448].

Лебедева 1978: 218]¹⁰ (ср. ульч. *пунэлэ* в словосочетании *пунэлэ хэдуни* 'южный ветер' [Суник 1985: 226]). При сопоставлении имеющихся в этих словосочетаниях слов *сукулā* и *пунэлэ* вычленяется общий для них сегмент *-лā/-лэ*, служивший словообразовательным суффиксом; таким образом, производящей основой является **суку-*, причём основа эта имела значение 'север', а производящая основа **пунэ-* означала 'юг'.

Интересующий нас корень со значением 'север' представлен в ороцком и удэгейском языках в трёх вариантах, которые не удаётся возвести к общей для них праформе: *сауку-* (хадинский ороцкий), *суку-* (тумнинский ороцкий), *сууа-* (самаргинский удэгейский). Невозможность реконструировать архетип при очевидном сходстве формы и тождественности семантики свидетельствует о том, что варианты корня *сауку-*, *суку-*, *сууа-* были заимствованы. Судя по тому, что словоформа *сууаланзани*¹¹ зафиксирована только у самаргинских удэгейцев, живущих относительно близко к орочам, в удэгейский язык рассматриваемое название севера могло заимствоваться из того же неизвестного языка, из которого были заимствованы ороцкие варианты *сауку-* и *суку-*.

Естественно возникает вопрос: можем ли мы сравнивать орокскую и ороцкую основы, если они имеют диаметрально противоположные значения?

Думаю, что такое «антонимическое соответствие» вполне допустимо. Ср., например, в эвенкийском: «Забайкальские эвенки называли страны света и по склонам больших хребтов, например *алга*, *анта* (южный склон) — юг, а некоторые из тунгирских эвенков этим словом называли север. Словом *босо*, *босого* (северный склон) забайкальцы называли север, а некоторые из верхнеленских — юг» [Василевич 1969: 184]. Приведу ещё пример: эвенк. *босоуо* (подкаменно-тунгусские, баргузинский, сахалинские говоры) 'северный склон горы' по происхождению связано с

¹⁰ В словосочетаниях *сукулā чилауаи-н'и* и *пунэлэ чилауаи-н'и* аффикс *-н'и*, являясь показателем 3-го л. ед. ч., оформляет изафетную конструкцию с атрибутивным значением.

¹¹ Сегмент *-ни* является показателем притяжания 3-го л. ед. ч., суффикс *-за* имеет значение 'сторона'; таким образом, производящей основой выступает *сууала(н)*.

эвенским *боросау* (ольский говор) 'северный склон горы' [ССТМЯ 1975: 97], однако в нанайском им соответствует слово с прямо противоположным значением: *борсой* [*борсой*] 'южный склон горы' (нанайское слово приведено по [Оненко 1980: 77]). Аналогичное изменение значения мы видим, сравнивая эвенк. *антауа* '1) южный склон горы (подкаменно-тунгусские говоры, алданский, олёкминские, тунгирский, урмийский и учурский говоры) [ССТМЯ 1975: 44] и нан. *анта* 'северный или северо-восточный склон горы' [Оненко 1980: 43].

По-видимому, орокское слово *сӯ* (< **суку*) 'юг' было заимствовано из ороцкого языка где-то в районе современного Поронайска, о чём свидетельствует орокское название реки Поронай: *Сагзи Сӯ*, *Сагзи Сӯ ун'ин'и*, *Дәји Сагзи Сӯ*. Очевидно, для группы орочей, переселившейся с побережья континента на Сахалин и продвигавшейся по этому острову с юга на север, река Поронай (**сәгди* **суку* **ули-н'и* большой север река-POSS.3SG 'большая северная река') была на севере. Для ороков же, некогда расселявшихся на Сахалине с севера на юг, река Поронай находилась на юге.

Есть по крайней мере одно эксклюзивное соответствие между орокским и ороцким в морфологии: только в этих языках форма условного деепричастия (ороч. *-ви*; орок. *-ни* ~ *-не* [Петрова 1967: 113], *-ре* [Magata 1981: 163], *-pee* [Ikegami 2001: 31], *-не* [Озолия 2013: 293–294]) при множественном числе субъекта включает сегмент, восходящий к общетунгусоманьчжурскому показателю множественного числа (ороч. *-виса*; орок. *-нис'с'а*¹² [Петрова 1967: 113], *-писса* [Magata 1981: 163], *-писсаа* [Ikegami 2001: 31], *-нис'с'а* [Озолия 2013: 294]). Примеры: ороц. *Синэвэ бәчигивив*, *бэлэчиžэнэји* 'Тебя когда (если) встречу, помогу'; *Синэвэ бәчигивиса*, *бэлэчиžэнэму* 'Тебя когда (если) встретим, поможем' [Аврорин, Лебедева 1968: 205] (показатели деепричастия подчёркнуты мной. — *А. П.*); орок. *masĩzi uilǎpe si*

¹² «... во множественном числе к форме единственного числа присоединяется суффикс *-са*, *-сэ*, причем *с* суффикса долгий и очень шепелявый, почти как *ш'*» [Петрова 1967: 113].

maŋá narí osísi 'Сильно поработав, ты крепким (сильным) человеком станешь'; *barámba dawwā wāpissa gasannēl' duktakkēri išúxačī* 'Много кеты добыв, жители деревни вернулись к себе домой' [Magata 1981: 163].

И в ороческом языке, и в орокском закономерная, ожидаемая форма условного деепричастия при множественном числе субъекта должна бы быть иной: ороч. *-vaju** = *-vau**, орок. *-nari** (ср. форму одновременного деепричастия при единственном числе субъекта: ороч. *-mi*, орок. *-mi*, при множественном числе субъекта: ороч. *-maju* = *-mau*, орок. *-mari*). Как установила В. И. Цинциус, показатели обоих этих деепричастий образовались при участии возвратно-притяжательных аффиксов [Цинциус 1960], в ороческом и орокском языках эти аффиксы выглядят соответственно так: *-vi* (ед. ч.; один из алломорфов), *-baju* (мн. ч.; один из алломорфов), *-bi* (ед. ч.; один из алломорфов), *-bari* (мн. ч.; один из алломорфов).

Однако ороцкий язык образовал форму множественного числа условного деепричастия иным способом — путём присоединения к показателю деепричастия *-vi* (ед. ч.) аффикса множественного числа *-sa*. Этот аффикс в современном ороческом языке присоединяется только к существительным: «Показателем множественного числа для подавляющего большинства имен лица служит суффикс *-sa(z)* / *-сэ(z)* / *-со(z)*» [Аврорин, Лебедева 1968: 195]. Суффикс *-sa(z)* восходит к пратунгусоманьчжурскому **-sal*¹³ (составной показатель множественного числа: **-sa* + **-l* [Цинциус 1946: 88], маньчж. *-сэ* < **-сэл*).

¹³ Звук *л* в исходе ороческих морфем закономерно перешёл в *ɣ*, который исчез в именительном падеже, но сохранился как смычный согласный в косвенных падежах, например: *сэу* 'рулевое весло у морской лодки', творительный падеж *сэугзи* [Аврорин, Лебедева 1978: 227], ср. нан. *сэул* '1) рулевое весло; 2) руль'; *žā* 'родственник, сородич; товарищ по работе, спутник, сожитель', *bī žābbi* 'мой родственник', *sī žāksi* 'твой родственник', *žāglābbai* 'себе в товарищи' [Аврорин, Лебедева 1978: 181] (< **žāl*); *уму* '1) охотничий пояс (узкий кожаный ремень, к которому подвешиваются охотничьи принадлежности; 2) пояс вообще)', винительный падеж *умубба* [Аврорин, Лебедева 1978: 239] (< **умул-ба*), ср. нан. *омол* 'пояс, ремень'.

Что касается формы множественного числа условного деепричастия в орокском языке, то фонетически наиболее точная её фиксация представлена, по-моему, в работах Дз. Икэгами: *-pissaa* (кстати, Дз. Икэгами идеально воспринимал на слух фонетические особенности орокского, что позволило ему дать верное описание морфонологии этого языка). Геминация согласного в форме множественного числа орокского условного деепричастия объясняется регрессивной аккомодацией гласному по долготе¹⁴, т.е. *-pissaa* < **-pissaa*, что, в свою очередь, восходит к **-pissay* — иначе никак не объяснить появление долготы гласного. Последняя реконструированная форма (**-pissay*) включает показатель множественного числа **-saa*, который несомненно имеет ороческое происхождение, поскольку из всех тунгусо-маньчжурских языков лишь один ороцкий превратил в исходе морфем плавный латеральный в заднеязычный проточный звонкий (т.е. *л* > *γ*). Кстати, в орокском языке одним из показателей множественного числа является *-sal*. Таким образом, орокский язык заимствовал у ороцкого только ему свойственный способ оформления множественного числа условного деепричастия, причём заимствовал относительно давно — тогда, когда в ороцком показателе множественного числа **-saa* ещё сохранялся конеч-

¹⁴ Суть закона регрессивной аккомодации орокских согласных (Дз. Икэгами использовал термин «компенсаторное удвоение») заключается в том, что перед геминированным гласным или дифтонгом любой согласный, кроме начального, сам становится геминированным (при этом долгий гласный может сохранять свою долготу, но может и утрачивать её). В качестве примера приведу словоформу *dulleekkeewwee* 'до меня, передо мной' [Ikegami 2001: 29] (*dulleekkeewwee* перёд-PROL-1SG.OBL; *dulleekkeewwee* < **žuljā-kii-wiā* < **žuljā-kii-wi-wā*). Типологически сходное явление — «вторичная геминация» согласных — характерно для некоторых прибалтийско-финских языков [Лаанест 1966а: 20; Лаанест 1966б: 22–30; Sovijärvi 1944: 12–14, 80–84; Porkka 1885: 45–47]. Хотел бы поблагодарить своих коллег — Н. В. Кузнецову и М. З. Муслимова — за консультации по проблеме вторичной геминации согласных в прибалтийско-финских языках и за важную для меня помощь, касающуюся соответствующих публикаций.

ный звук *у*, в современном ороческом языке в соответствующей форме *-виса* уже отсутствующий.

Выводы: приведённые в статье факты свидетельствуют о наличии в прошлом контактов ороцкого (уильта) языка с ороческим. Контакты эти происходили на Сахалине, вероятно, несколько веков назад (возможно, в долине реки Поронай), куда переселилась группа орочей, впоследствии ассимилированная местными народами. Результатом контактов явилось небольшое количество преимущественно лексических заимствований главным образом из ороцкого языка в орокский. Заимствованием в противоположном направлении можно считать название домашнего оленя (*ул̄а* в обоих языках). Весьма вероятное заимствование этого слова неоленеводами орочами у оленеводов ороков указывает на то, что мигрировавшие на Сахалин орочи не совсем утратили связь со своими сородичами на континенте (см. примечание 4).

Список условных сокращений

маньчж. — маньчжурский язык; маньчж. сибин. — сибирский диалект маньчжурского языка; нан. — нанайский язык; нег. — негидальский язык; нивх. — нивхский язык; орок. — орокский (уильта) язык; ороч. — ороцкий язык; удэг. — удэгейский язык; улч. — улчский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык.

Литература

- Аврорин, Лебедева 1968 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкий язык // Языки народов СССР. Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. [V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Orochskii iazyk [The Oroch language] // Iazyki narodov SSSR. T. V. Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie iazyki. Leningrad: Nauka, 1968].
- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. [V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Orochskie teksty i slovar' [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978].
- Баранова, Маслинский 2014 — В. В. Баранова, К. А. Маслинский. Есть ли жизнь после смерти? По следам экспедиции к орочам 2001 //

- От Бикина до Бамбалуемы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 5–11. [V. V. Baranova, K. A. Maslinskii. Est' li zhizn' posle smerti? Po sledam ekspeditsii k orochem 2001 [Is there life after death? In the wake of the expedition to the Oroch people in 2001] // Ot Bikina do Bambaliumy, iz variag v greki. Ekspeditsionnye etiudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoi. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. P. 5–11].
- Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка 1999 — Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка. Удэгейско-русско-удэгейский (препринт). Т. 3. Издан Альфредом Ф. Маевичем. Стеншев: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1999. [Kialundziugi-Simonova slovar' udegeiskogo iazyka. Udegeisko-russko-udegeiskii (preprint) [A Kyalundzyuga-Simonov dictionary of the Udeghe language: Udeghe-Russian-Udeghe (preprint)]. Т. 3. Ed. by Alfred F. Majewicz. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1999.
- Лаанест 1966а — А. Лаанест. О взрывных в фонологической системе хэваского диалекта ижорского языка // Советское финно-угроведение. № II. 1966. [A. Laanest. O vzryvnykh v fonologicheskoi sisteme khevaskogo dialekta izhorskogo iazyka [Occlusives in the phonological system of the Hevaha dialect of the Izhorian language] // Sovetskoe finno-ugrovedenie. № II. 1966].
- Лаанест 1966б — А. Лаанест. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин: Редакционно-издательский совет АН ЭССР, 1966. [A. Laanest. Izhorskie dialekty. Lingvogeograficheskoe issledovanie [Izhorian dialects. Studies in language geography]. Tallinn: Redaktsionno-izdatel'skii soviet AN ESSR].
- Нивхско-русский словарь 1970 — Нивхско-русский словарь. Сост.: В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами. М.: Советская энциклопедия. 1970. [Nivkhsko-russkii slovar' [Nivkh-Russian dictionary]. Sostaviteli: V. N. Savel'eva, Ch. M. Taksami. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia].
- Озолия 2001 — Л. В. Озолия. Орокско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. [L. V. Ozolinia. Oroksko-russkii slovar' [Orok-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2001].
- Озолия 2013 — Л. В. Озолия. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013. [L. V. Ozolinia. Grammatika orokskogo iazyka [Orok grammar]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2013].
- Орочские сказки и мифы 1966 — Орочские сказки и мифы. Сост.: В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Новосибирск: Наука, 1966.

- [Orochskie skazki i mify [Oroch tales and myths]. Sostaviteli: V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Novosibirsk: Nauka, 1966].
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. [T. I. Petrova. Iazyk orokov (ul'ta) [Orok (Ulta) language]. Leningrad: Nauka, 1967].
- Протодьяконов 1888 — Краткий русско-ороченский словарь. Составил протоиерей А. Протодиакон. Казань: Издание православного миссионерского общества, 1888. [Kratkii russko-orochenskii slovar' [Concise Russian-Orochon dictionary]. Sostavil protoierei A. Protodiakonov. Kazan': Izdanie pravoslavnogo missionerskogo obshchestva, 1888].
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука. 1975. [Srvavnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov. Materialy k etimologicheskomu slovariu [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. Т. I. Leningrad: Nauka, 1975].
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука. 1977. [Srvavnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov. Materialy k etimologicheskomu slovariu [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. Т. II. Leningrad: Nauka, 1977].
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. [O. P. Sunik. Ul'chskii iazyk. Issledovaniia i materialy [Ulch language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1985].
- Цинциус 1946 — В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Ученые записки ЛГУ. № 69 (Серия филологических наук, вып. 10), 1946. [V. I. Tsintsius. Mnozhestvennoe chislo imeni v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [Noun plural in Manchu-Tungus languages] // Uchenye zapiski LGU. № 69 (Serii filologicheskikh nauk, vypusk 10), 1946].
- Цинциус 1960 — В. И. Цинциус. К этимологии показателей некоторых деепричастий в тунгусо-маньчжурских языках // XXV Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. [V. I. Tsintsius. K etimologii pokazatelei nekotorykh deeprichastii v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [On the etymology of some gerund markers in Manchu-Tungus languages] // XXV Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov, doklady delegatsii SSSR. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960].
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. [V. I. Tsintsius. Negidal'skii iazyk.

- Issledovaniia i materialy [Negidal language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1982].
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М. — Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. [E. R. Schneider. *Kratkii udeisko-russkii slovar'* [Concise Ude-Russian dictionary]. Moscow — Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1936].
- Штернберг 1933 — Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Под редакцией и с предисловием Я. П. Алькора (Кошкина). Хабаровск: Дальгиз, 1933. [L. Ia. Sternberg. *Giliaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy. Stat'i i materialy* [Gilyaks, orochs, golds, negidals, ainu. Papers and materials]. Edited by Ia. P. Al'kor (Koshkin). Khabarovsk: Dal'giz, 1933].
- Ikegami 1980 — Jirô Ikegami. Ainugo-no inau-no go-no yurai-ni kansuru shōkō – Uirutago-no 'illau'-no gogen-ni furete (Remarks on the Origin of the Ainu Word inaw – with Reference to the Etymology of the Uilta Word illau) // *Minzokugaku Kenkyū*. Vol. 44. No. 4. Tōkyō: Japanese Society of Ethnology. 1980.
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press. 1997.
- Ikegami 2001 — Jirô Ikegami. Researches on the Tungus Language. Tokyo: Kyūko Shoin. 2001.
- Ikegami 2004 — Jirô Ikegami. Essays on Languages of Northeast Asia. Sapporo: Hokkaido University Press. 2004.
- Magata 1981 — Hisaharu Magata. A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri: The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore. 1981.
- Porkka 1885 — V. Porkka. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Schmidt 1923 — P. Schmidt (Šmits). The language of the Negidals // *Acta Universitatis Latviensis*. V. Riga, 1923.
- Sovijärvi 1944 — A. Sovijärvi. Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta. Helsinki, 1944.